

лекторов, не постеснялся заявить, бия себя руками в грудь, что он желал бы пригласить Грингмута. Один из ближайших участников «Скорпиона» Семёнов (говорят, некогда радикал) открыто называет себя членом Союза активной борьбы с Революцией...». Цит. по: *Богомолов Н.А., К истории «Весов»: Переписка В.Я. Брюсова с Семёновым – «Свет мой канет в бездну. Я вам оставлю луч...»*: сб. публ., ст. и материалов, посвященных памяти В.В. Мусатова. – Новгород, 2005.

¹² Там же.

¹³ Шимонелли Иньяцио (Scimonelli Ignazio), (1875-1928), адвокат по уголовным делам. Оратор исключительной силы и таланта, знаменитый по всей Италии. Умер от разрыва сердца во время произнесения защитительной речи в Апелляционном суде во Флоренции.

¹⁴ Барцилаи Сальваторе (1860-1939), родился в Триесте в еврейской семье, адвокат, сенатор от Триеста с 1890 по 1919 годы.

Д. КОДАЙОВА

ОБРАЗ РОССИИ У С.Г. ВАЯНСКОГО И Т.Г. МАСАРИКА: МЕЖДУ РУСОФИЛЬСТВОМ И ЕВРОПЕИЗМОМ

С тех пор, как Петр I открыл окно в Европу, Россия прошла сложный путь самоидентификации. Составной частью этого процесса было складывание отношений между Россией и Европой. Этот процесс имел два альтернативных подхода: Россия в Европе или Россия вне Европы. Обе альтернативы включали вопрос отношения России к славянским народам. Последователи каждого подхода решали теоретические задачи для объяснения своей версии во взаимных дискуссиях. Апофеозом полемики, которая проходила в 1840-1850-е годы, стали споры западников и славянофилов, в которых прозвучали основные постулаты славянофильства. Согласно им, Россия по своему духу, культуре и православной истории – славянская держава, которой предстоит задача духовно возродить европейскую христианскую цивилизацию и одновременно стать духовным и политическим объединителем славянских народов.

Публикация славянофильских теоретических работ хронологически совпала с процессом национальных движений славянских народов, в которых важную роль сыграла идея славянской взаимности. Революция 1848-1849 годов не оправдала ожиданий, что будут решены национальные, политические и культурные требования народов, что усилило у их политически ангажированных лидеров прорусскую ориентацию. Эта позиция исходила из предположения, что народам, объединившимся вокруг России, удастся решить свои политические задачи. Процесс такого объединения, с политической точки зрения, оставался неясным и открытым. С другой стороны, открыто и прямо декларировалась необходимость культурного сближения и взаимного сотрудничества славян с Россией. Импульсом к усилению русофильской ориентации славян Габсбургской монархии стало участие России в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Целенаправленной кампанией русской и прорусской публицистики стало представление русской, а в действительности империалистической политики на Балканах за освобождение болгар. В славянском мире этот пример стал доказательством готовности России помочь и другим славянам.

Подобное понимание русофильства наиболее ярко проявилось у чехов, особенно в 1860-1870-е годы. Чешское русофильство пережило несколько фаз своего развития: от восхищения Россией, основанного на тех представлениях о России, которые соответствовали интересам собственной чешской политики, однако без глубокого познания России; через фазу познания русской культуры и актуальной политики. И, наконец, оно перешло в фазу,

когда интенсивность русофильства уменьшилась, и сузился круг его сторонников. Именно в этот период, когда наметился отход от некритического отношения к России и замены его реальной оценкой русской действительности, на чешской политической арене появился Томаш Гарриг Масарик. Он приступил к анализу источников русского славянофильства, проявлений и направлений русской духовной культуры и, в первую очередь, православия. Своими работами Масарик способствовал созданию реального образа России конца XIX века. Однако этот образ не отвечал роли России как объединительницы славян. Наоборот, Масарик доказал, отсутствие славянской политики в заграничных политических действиях русского самодержавия.

В словацкой политической и культурной жизни русофильство было представлено интересом к культуре и литературе как часть распространенной идеи славянской взаимности в духе Яна Коллара. У штуровцев в 1830-е годы преобладало полонофильство, в 1840-е годы – интерес к южным славянам. В 1850-1860-е годы, когда потерпели крах несколько вариантов политического сотрудничества словаков с их союзниками в рамках монархии, их лидеры стремились найти словакам надежного партнера для усиления их собственных политических позиций. После неудач в Вене и Будапеште для словаков таким сильным союзником могла стать Москва. В политическом климате Венгрии после образования дуалистической Австро-Венгерской монархии в 1867 году словацкий политический центр – Мартин, принял русофильство и прорусскую ориентацию за свою единственно возможную концепцию.

В мартинском центре с 1870-х годов главенствующее положение занимал Светозар Гурбан Ваянский. К парадоксам русофильства относится тот факт, что в это время, в 1880-1890-е годы, в самой России снижается интерес к славянской проблематике. Лишь небольшая группа русских славистов, общественных и военных деятелей продолжала поддерживать славянскую идею, стоявшая на неоднородной платформе возникающего либерализма и консерватизма, не являющаяся общественной или политической силой. Интерес к славянам, изучение их истории и культуры были для них не политической программой, а формой научной или общественно-научной активности. Причем, для некоторых из них под славянофильством понимался лишь панрусизм. Именно с таким кругом русских славянофилов поддерживал личные контакты С.Г. Ваянский. Он находил у них поддержку для проектов национального движения, финансовую помощь для «Народных новин», возможность публиковать информацию о словацком народе в России, которую он рассматривал как возможность признания словаков, а также как помощь для решения своих собственных финансовых проблем и творческих проектов. Ориентация Ваянского именно на эту группу русских партнеров в итоге повлияла на его характер понимания России. Ваянский даже не допускал возможности исказить образ России как защитницы и объединительницы славян, хотя с русской стороны такая поддержка никогда не была официально декларирована. В своих рассуждениях он исходил из убеждения, что каждое государство имеет свои национальные задачи и стремится их решить. По Ваянскому, национальные задачи России включают и «великую миссию» освобождения славянских народов от «иноплеменного ярма» и предоставление им автономного управления. Именно так, как это Россия уже сделала на Балканах. Ценой великих жертв «сокрушила мощь Турции» и «вступила в борьбу с другими врагами славян»¹.

В статьях Ваянского, опубликованных в «Народных новинах», он неоднократно повторял идею, что Россия выполнит эту миссию и не отречется

от нее. В этом же духе он вел переписку со своими русскими корреспондентами, публиковал статьи в России. В 1908 году редакция газеты «Московские ведомости» опубликовала цикл из 40 писем из Венгрии, принадлежавших перу Ваянского. Это была обширная публикация, посвященная актуальным вопросам жизни словаков, отражавшая одновременно взгляды самого Ваянского на современное положение славян, отношения с Россией и представление ее как подготовленного борца за дело славян. В кругу русских славистов Ваянский был известен как славянский писатель, поэт, представитель угнетенного народа. Тот факт, что редакция предоставила ему столь обширное место для публикации в русской газете консервативного направления, имеющей огромный тираж, не было проявлением бескорыстной любви к венгерским словакам. Это был 1908 год – год Боснийского кризиса, когда мир в Европе в известной мере зависел от того, доведет ли Россия этот конфликт до крайней меры, т.е. до ввода войск. Со славянской стороны зазвучал голос, напоминавший, что Россия уже неоднократно не колебалась мобилизовать армию, когда речь шла о ее интересах и об интересах ее братьев-славян, о ее славянской миссии. Образ России, как он был представлен в «Письмах из Венгрии», выглядел именно так, как это было выгодно самой России. Голос Ваянского, голос известного славянского писателя, был использован в русской политической кампании. По Ваянскому, уже само существование России, даже если она фактически и не вмешивается в дела зарубежных славян, является для славян «гарантией жизни и развития». Он верил, что Россия поможет славянам, потому что она не может предать свое племенное братство, «желая исполнить свою историческую роль»². Ваянский не хотел видеть реальную Россию, несмотря на то, что в течение 30 лет, когда посещал Россию 8 раз (1881, 1885, 1887, 1894, 1897, 1909, 1913/1914 гг.) замечал в действительности самые различные детали. Например, детали архитектуры русских храмов и обыкновенных изб, культуру и обычаи путешествия, нюансы русской души, народные обычаи, обычаи гостеприимства и чаепития и др.³

Ваянский никогда не сомневался в принадлежности словаков к Европе, в смысле культурного вклада словаков в европейскую цивилизацию, основанную на христианстве. Однако ему казалось, что словацкому христианству, проникнутому идеализмом, больше присуща восточная, греко-славянская духовность, чем латинский вариант западноевропейского рационализма. Поэтому славяне в целом, не исключая и словаков, инстинктивно тянутся к естественным для себя ценностям и находят их в славянском мире. Положение славянских народов в целом, и словацкого народа в Венгрии Ваянский считал очень специфическим и непонятным для западноевропейских народов, поэтому они и не могут помочь им. Свой выбор ориентации на Россию, а не на Западную Европу, он объяснял и другими аргументами. С одной стороны, разочарованием, которое словаки пережили в 1848 году, когда ожидали внимание Европы к своей судьбе. Однако революция показала, что Европа не собирается выступать в защиту славян. С другой стороны, он аргументировал свою точку зрения тем, что Европа переживает стадию стагнации. Ему казалось, что западная политика, дипломатия, наука, искусство и философия находятся в явном упадке. Силой, которая способна омолодить этот мир, он считал Восток.

Посредническую роль в контактах старой Европы и Востока он отводил славянскому миру. В защиту своей концепции русофильства Ваянский создавал искаженный образ России и представлял его на страницах «Народных новин» и «Словенских поглядов». Он не хотел ни в чем отходить от соб-

ственного образа России, что приводило его к политической конфронтации у себя на родине. Русофильство Ваянского было подвергнуто критике со стороны молодого поколения, объединившегося вокруг журнала «Глас», вступившего на политическую арену национальной жизни словаков на рубеже XIX и XX веков. Гласисты уже знали пример, как в чешском обществе справились с феноменом чешского русофильства, прежде всего благодаря взглядам Т.Г. Масарика. В своих работах, опубликованных в 1880-1890-е гг., он разоблачил бесполезность и политическую нереальность его лозунгов. Тезис о ведущем положении России в славянском мире он опроверг утверждением, что Россия живет своей собственной политической жизнью, вне всякой зависимости от славянства. И нечего ждать от нее какой-либо помощи славянам. На основе знакомства со взглядами Масарика на Россию и русофильство гласисты упрекали старшее поколение в том, что они не смогли найти для Словакии реальный выход, «распространением русофильского фатализма» становилась бессмысленной деятельность интеллигенции, а защита необходимости объединения «убивала оппозиционеров» в Словакии⁴.

Реакция Ваянского на критику молодого поколения была очень раздражительной. Он понимал политическую дифференциацию в Словакии как признак расслоения сил, который в конечном итоге ослабит национальное движение. Отход от политики, основанной на прорусской ориентации, он считал результатом ошибок и незрелости молодых на их пути поиска истины. Он не считал в данном случае возможным смириться с ошибками молодости. Его наказ заблудшей молодежи звучал так: «Пусть будет проклят тот, кто осмелится враждебной ногой наступить на память Аксакова, Погодина, Хомякова, Достоевского»⁵.

В своей программе молодое поколение словацких политиков предлагало альтернативу межславянского сотрудничества в виде чешско-словацкого сотрудничества с реальной политической программой так называемых «малых дел». За критическим выступлением молодых Ваянский видел труды Т.Г. Масарика.

Отношения «Ваянский – Масарик» – это отдельная тема в формировании словацкой политики на рубеже XIX и XX веков, вплоть до смерти Ваянского в 1916 году. Личная дружба, взаимные семейные встречи естественно возникли благодаря общему интересу к России как к благодарной теме общих разговоров. Но именно из-за разницы во взглядах на Россию их отношения охладели. К неординарному пониманию феномена России в европейской политике присоединилось и различное представление о тех последствиях, которые принесет эта политика в национальное движение чехов, словаков и в целом всех славян. Россия как страна, как политический и цивилизационный феномен притягивала их обоих.

Но если у Ваянского образ России был законсервирован в том виде, как это отвечало его представлениям об опоре и об освободителе славянства, то Масарика Россия интересовала в ее действительных реалиях. Россия была предметом его интересов всю жизнь. Он попытался проанализировать позицию России в европейской и мировой политике и доказать нереальность надежд на русскую защиту и поддержку славян. Масарик не считал себя человеком, настроенным антирусски, свое положение в политике он оценивал как сторонника славянской политики. На эту политику он имел иные взгляды, чем это было принято в тот период в чешском и словацком национальном движении. Чешское русофильство Масарик не считал поли-

тикой или политической концепцией. Скорее всего, это были русофильские настроения. Он критиковал чешское русофильство за некритичность, основанную на слепой вере в воображаемую Россию. Эта вера несет в себе пессимизм и нигилизм, что влияет на цели и методы работы. Но вопреки его аргументам у части чешского общества сохранялись русофильские настроения вплоть до начала первой мировой войны⁶.

Так же как и Ваянский, Масарик искал контакты в России и использовал любую возможность посетить эту страну. Но в результате его путешествий не были составлены путевые записки. Он описывал страну скорее как философ и социолог, а не как писатель. Он обращал внимание на необразованность, проявления православия, социальное положение русского народа, реформы, которые предпринимала власть. Типичным примером различного отношения к русским реалиям у обеих фигур является их отношение к Л.Н. Толстому. Ваянский проявил свое несогласие с Толстым за его критику официальной церкви и институтов самодержавия, чем великий мастер разрушал образ могучей России. Ваянский как бы делил деятельность Толстого на две различные сферы. С одной стороны, Толстой для Ваянского был великим писателем, с другой – критик русских условий жизни. Ваянский советует, чтобы великий писатель меньше философствовал, а лучше бы писал новые романы, которые являются апофеозом русского народа⁷.

Масарик лично видел, как граф Толстой общается с яснополянскими мужиками, и при описании этого свидетельства разоблачал отношение Толстого к простому русскому люду. Толстой приказывал угостить мужиков тарелкой похлебки, неграмотным давал просветительские брошюры и раздавал им мелкие монеты, на которые большинство из них покупали водку. Деятельность толстовцев и той части русской интеллигенции, которая вместо распространения просвещения и образования для народа издавала для него теоретические трактаты о православии, обставляла свои дома наподобие сельских изб, носила мужицкие рубахи, не ездила поездами, т.к. ими не пользуются мужики, Масарик расценивал как позерство. В широко известном конфликте супругов Толстых, в котором общественность обвинила супругу писателя как нетерпимую, непонимающую его учение, Масарик встал на сторону графини. Это была умная женщина, которой доставалась за правду. Наоборот, с графом из-за его позерства и неоправданного аскетизма, он не мог согласиться⁸.

Другим примером различия взглядов Ваянского и Масарика на Россию, русскую философию, религию и культуру является их отношение к влиянию книги Данилевского «Россия и Европа» и отношения с петербургским профессором Владимиром Ламанским.

С книгой Данилевского Ваянский познакомил словацкую общественность в 1887 г. в цикле статей под названием «Важная книга». Статьи были написаны вскоре после его поездки в Россию, где он познакомился с дискуссиями вокруг нее. К тому времени в России вышло уже третье издание работы Данилевского, и, как написал Ваянский, за 16 лет русская публика «рассхватала» все три издания. Без знакомства с этим трудом, по мнению Ваянского, «ни один ученый не будет уверен, что не имеет пробелов в своем знании, и вновь после Колумба открывает Америку»⁹.

Работа Данилевского появилась в 1860-х годах и была, по сути, попыткой найти новую линию международной политики, определить место и значение России в европейской и мировой истории после поражения в Крымской войне. Анализ опыта проигранной войны привел автора к выводу о противопо-

ставлении России и Европы. На вопрос, относится ли Россия к Европе, Данилевский утверждает, что это не вопрос географии, а культурно-исторический вопрос, и его ответ – Россия не является Европой. Множество неясных формулировок, которые часто встречаются в отдельных главах, делают оценку работы сложной задачей. Однозначным было рассуждение о распаде Австрии. В пассажах, посвященных Австрии и австрийским славянам, Данилевский писал, что эти славяне в будущем станут частью созданной русскими Всеславянской федерации со столицей Царьград, с общим языком – русским. Частью этой федерации должно стать Чешско-моравско-словацкое королевство. Ваянский оценил главу книги об Австрии как мастерский образ австрийской истории и выявление ее основных будущих направлений. К тезису о Всеславянской федерации он добавляет, что это единственный путь решения славянского вопроса.

В книге Данилевского Масарика более всего заинтересовало название, которое он позже использовал сам. Для детального разбора он выбрал другую работу автора. Это была работа о дарвинизме и теории естественного отбора как философской проблемы, на основе которой он пытался показать способ рассуждений и научный метод русского автора. Эту же проблему Масарик пытался решить и на примере Ивана Киреевского в своей следующей работе. Масарик не останавливается на анализе отдельных глав работ русских авторов, а показывает типичный способ для русского рассуждения о смысле истории, народа. Данилевский и Киреевский, эти два знатока славянской литературы, оказали влияние не только на славянофильство в России, но на славянство чешских русофилов и славянофилов¹⁰.

Различный подход к явлениям русской жизни и ее личностям проявился у Ваянского и Масарика по отношению к фигуре В.И. Ламанского. Известный русский славист и инициатор русской помощи отдельным славянским народам по роду своей деятельности в Славянском благотворительном комитете несколько раз посетил Мартин и Прагу. В кругу местных русофилов он стал легендой. В то же время ни словацкими, ни чешскими лидерами не могло быть принято описание положения их народов, которое давалось в трудах Ламанского. Словаки у Ламанского представлялись как члены будущей Славянской империи, хотя эту империю во главе с Россией должны были создавать православные славяне. Словаки, вопреки их преимущественному католичеству, должны быть частью этой империи, потому что они русофильски настроенный и наивный народ, «как божий русский люд». Своими взглядами Ламанский вызвал испуг во время своего последнего посещения Мартина в 1893 г., когда он высказал непонимание того, почему словаки постоянно жалуются на угнетение со стороны венгерских властей, когда ему их условия национальной жизни не показались такими жалкими¹¹.

Еще более бурно проходило противопоставление легенды, сопровождавшей профессора Ламанского, с его действительными взглядами в чешских русофильских кругах. В одной из своих статей Ламанский назвал чешское историческое право, на котором основывалась аргументация чешских политиков, как недоказуемое и неверное. Исходя из того, что чехи живут в немецком окружении, он советовал чехам смириться с германизацией¹². Эта статья, опубликованная в журнале, имевшем международную редакцию, посланном из России во многие славянские области, вызвала в Чехии бурную дискуссию. Масарик отреагировал на нее циклом статей с двумя заключениями. Первое – чехи будут решительно бороться за сохранение своей

национальной самобытности, языка и культуры и не смиряются с германизацией. И второе заключение – в связи с немецким окружением чехи представляют собой «клин» в немецком теле, таким образом чешский и славянский вопрос является одновременно и немецким вопросом! Чешско-немецкие отношения, по мнению Масарика, всегда будут проявляться или в дружбе, или во вражде с чешскими немцами. Тем самым он опроверг утверждение о вековой вражде германского и славянского мира и доказал, что чехи не должны доводить отношения с немцами до серьезного конфликта или до другой крайности – ассимиляции¹³. В период полемики с Ламанским Масарик публиковал и другой цикл статей, в которых он анализировал основы, на которых сформировалось русское славянофильство, прежде всего – православие и восприятие неправославных славян. Результатом его исследования стала констатация факта, что существуют огромные лакуны во взаимном познании западных и восточных славян. В результате сложился искаженный образ друг друга.

Основной мотивацией Масарика к подобным исследованиям было стремление проверить утверждение об особом, исключительном положении России среди славянских народов, как это было представлено в работах И. Киреевского. Масарик выступал против избранности и миссионерской роли русского народа. Он подчеркивал значение эволюционного принципа, что «жизнь есть эволюция, а ...не привязанность к догме, незыблемости и сохранению православия византийского средневековья»¹⁴.

Проблему недостаточного взаимного познания славян не мог обойти и Ваянский. Он допускал, что дорога к взаимному сближению славян не будет простой, т.к. большая часть русской интеллигенции ничего не знает о западных славянах, «с трудом подозревая о существовании целых народов», работы зарубежных славян в России читает около десятка славистов. Однако все это можно преодолеть, если все славяне прекратят распри и покончат с сепаратизмом, перестанут угрожать положению России и предпримут усилия для создания «духовных фондов», которые приведут к развитию отдельных славянских народов и славянства в целом. Всеобщее духовное богатство славян станет препятствием для мадьяризации и германизации¹⁵. В представлении о том, как будут создаваться духовные фонды, Ваянский включил и тезис о надвигающейся вселенской катастрофе. Он назвал ее «очищающей силой бури и грома» и верил, что в катастрофе разрешится «великий национальный вопрос, т.е. вопрос славянский»¹⁶. На то, какие шансы есть у России в назревающем конфликте, у Ваянского и Масарика были разные взгляды. Масарик на основе изучения статистики о русской армии и экономических показателей развития России утверждал, что нечего ждать спасения от царской России. Наоборот, он предполагал, что если Россия вступит в новый конфликт, то повторит последствия русско-японской войны. Россия в войне проиграет и там может возникнуть революция. «Россия не будет способна нам (славянам – Д.К.) помочь». Масарик предполагал, что Россия и не будет выступать в поддержку западных славян, т.к. официальная Россия никогда не принимала неправославных славян. Славянское сознание в России присуще лишь узкому кругу славистов, не имеющих политического влияния, и славянофилов, отношение которых к славянам исходило из их теоретических постулатов, т.е. они выступали за соединение лишь с православными славянами. Неправославных славян они воспринимали как братьев второстепенных¹⁷. Официальная Россия с симпатиями, проявленными участием членов царской фамилии в славянских балах, коллекционировании

книг, доброжелательно относилась к православным славянам, но частью официальной политики славянский вопрос не был. Либеральная часть русской общественности не принимала русский национализм, проявлявшийся в провозглашении исключительного положения России в семье славянских народов. Свою политику русские либералы строили на признании конституционализма, а отношения с другими народами, основанными на проявлении особого славянского чувства, они не поддерживали. Поэтому в России не было политической силы, которая могла бы выступать в интересах славян. Масарик констатировал, что царская Россия была не славянской, а византийской страной. И с большой долей иронии он признавал, что из всего царского славянства получилось лишь переименование Петербурга в Петроград¹⁸. Он сравнивал отношение славян к России с планетарной системой, где вокруг России – Солнца, вращаются планеты – славянские народы. Это представление он оценивал как неточное и нереальное, и сожалел, что у русофилов оно настолько прижилось, что изменить их взгляды было уже невозможно. Ход войны доказал справедливость политического прогноза Масарика, что именно западноевропейские народы проявят интерес к решению положения славян. Смыслом мировой войны, по Масарику, было признание малых народов, и в этом была заслуга не России, а в большей мере Франции, Англии, Америки, Италии и других неславянских государств Европейского Запада.

Ваянский предполагал, что в случае войны Австро-Венгрия распадется, а народы, которые до этого создавали империю, пойдут по пути создания собственных национальных государств, или соединятся с великим славянским государством. Несмотря на частое обращение к русской теме в его политических статьях, он не преодолел свою первоначальную мотивацию – описать образ России так, чтобы он соответствовал образу сильного славянского брата. Взгляды Т.Г. Масарика на Россию исходили из рассмотрения отношения России к Европе, т.е. он понимал Россию и вне славянской проблемы в широком европейском контексте. Он пришел к заключению, что Европа, по сути, не чужда России, а Россия еще не полностью приняла Европу. «Россия является тем, чем Европа уже была»¹⁹. По мнению Масарика, Европа не была в состоянии стагнации, как это утверждали славянофилы. Европа не загнивала, не была в упадке, не должна была ожидать цивилизационного оживления со стороны славян во главе с Россией. Наоборот, в то время, когда Россия отставала от европейского развития, ей было необходимо использовать европейский опыт. Исследование Масарика русской истории и культуры, так же как его изучение и понимание феномена России в европейской истории и современной политике, привело его к изучению феномена России и в собственной национальной – чешской и словацкой, среде. Именно в этом аспекте воззрения на феномен России в нашей истории ему удалось изменить и повернуть многие направления в национальной политической сфере. К ним относились иллюзии о способности русофильства выступить как реальная политическая сила и иллюзия о русском заступничестве в пользу чехов и словаков на международной арене, которые испытывали чешское и словацкое общество на рубеже XIX и XX веков.

Примечания

¹ VAJANSKÝ, S.H.: Položenie Európy. In: Národné noviny, XIX, 1888, č. 115, 118.

² LAPTEVOVÁ, L.P.: Listy z Uhorska. 40 listov S.H. Vajanského uverejnených v ruských novinách Moskovskije vedomosti v priebehu roka 1908. Osveta, Martin 1977, s. 91, s.109 (далее – Listy z Uhorska).

³ PETRUS, P.: Cestopisné prózy S. H. Vajanského. In: Sb. FFUK Philologika, Bratislava 1964, s. 233-245., PETRUS, P.: Pojezdki Svetozara Gurbana Vajanskogo i Rossija // Češsko-russkije i slovacko-russkije literaturnyje otnošenja. – M., 1968. – S. 207-216. Описания Ваянским путешествий были популярны у читателей и исследователей. Неоднократно они были предметом исследования как литературная форма, и как объект содержания. Анализ путевых заметок Ваянского проводил И. Кузьм. См.: KUSÝ, I.: Zrelý Vajanský, Bratislava 1992, s. 51-62.

⁴ Hlas, V, 1903, č. 9, s. 259.

⁵ Listy z Uhorska, s. 39.

⁶ Světová revoluce. Za války a ve 1914-1918 vzpomíná a uvažuje T. G. Masaryk. Orbis a čin, Praha 1925, s. 24 a 520.

⁷ Ваянский написал несколько рецензий на сочинения Л. Толстого в «Народних новинах» и первоначально представлял его как великого русского писателя. Тем самым он способствовал популяризации романов у словацкого читателя, но одновременно сочинения Толстого он использовал как доказательство, что славяне способны создавать мировые шедевры. Свое отношение он изменил, когда познакомился с философскими трудами Толстого, содержащими критику православной церкви и русских условий вообще и пропагандировавшими идею непротivления злу. Эти сочинения не отвечали тому образу России, который был создан Ваянским. Он написал статью «Граф Толстой как художник и мудрец», которую опубликовал в Санкт-Петербурге, в журнале, направленном на развитие межславянских связей, а вскоре вышел отдельный труд – «Lev Tolstoj čo bludár», который он опубликовал в Словакии (Národné noviny, XXV, 1894, č. 84). Здесь он называет Толстого стариком, сошедшим с ума, который неверно понимает христианство и чаяния людей в собственной стране.

⁸ ČAPEK, Karel: Novovy s TGM, Československý spisovatel. – Praha, 1990. – S. 113.

⁹ Národné noviny, XVIII, 1887. – Č. 45. В следующие годы Ваянский часто цитировал книгу, не всегда указывая источник. Он неоднократно говорил о теоретическом и практическом значении работы Данилевского. Он утверждал, что этот автор сказал «последнее слово... короновал славянскую теорию, и мало кому-нибудь удастся добавить что-то принципиальное к его выводам» – Slavianska otázka // Národné noviny, XXI, 1890, č. 76.

¹⁰ MASARYK, T. G.: N.Danilevského Darwinismus, kritický výskum (1885) // Athenae 1887, Slavianofilství I. V. Kirejevského, Praha 1889.

¹¹ Об этом сохранилось доказательство – письмо Константина Гурбана брату Светозару Г. Ваянскому в тюрьму, в котором он рассказывал о посещении русского слависта «...мы сделали все возможное, чтобы его пребывание здесь согладить... он нам все время говорил, что ... нам не так плохо, как мы говорим и жалуемся, у вас есть свобода печати». Уж и не знаю, хорошо ли его поняли наши, но они все смутились и были сбиты с толку: или этот господин стар, или он плохо знает нашу действительность». См.: Korešpondencia S. H. Vajanského III, (ed. P. Petrus), Vyd. SAV, Bratislava 1978, s. 193

¹² Известия Славянского благотворительного общества. – 1887. – №11-12.

¹³ MASARYK, T.G.: Slovanská západná otázka. In: Čas, 1888. – máj-október.

¹⁴ MASARYK, T.G.: O slavianofilstve Ivana Kirejevského // Athenaeum, VI, 1888, č. 3-8. Вскоре работа вышла отдельной книгой в 1889 г., а вторым изданием в 1893 г. под названием «Slovanské studie I. Slavianofilství Ivana Vasilieviča Kirejevského».

¹⁵ Listy z Uhorska. – S. 53-55.

¹⁶ VAJANSKÝ, S.H: Katastrofa sa blíži // Národné noviny, XI, 1880, č. 93.

¹⁷ MASARYK, T.G.: Rusko a Evropa I. Praha 1930, s. 488- 489.

¹⁸ Světová revoluce. Za války a ve válce 1914-1918 vzpomíná a uvažuje T. G. Masaryk. Orbis a čin, Praha 1925, s. 173, 175

¹⁹ MASARYK, T.G.: Rusko a Evropa I. Praha 1930, s. 7.

И.В. КРЮЧКОВ

**«ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ВЕНГРИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ:
«ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ» СТРАНЫ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Промышленная революция в Венгрии началась со значительным опозданием. До последней трети XIX века Венгрия оставалась в экономическом отношении отсталой аграрной страной. В сфере промышленного производ-